

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.8.25>

Левина Элла Михайловна, Проскурнина Людмила Васильевна, Якимова Екатерина Михайловна
Векторы сопряжения в использовании религиозной лексики в историческом и поэтическом дискурсах

Цель исследования - определить особенности функционирования религиозной лексики в художественно-историческом и поэтическом дискурсах как элемента смысловой структуры текста. В статье исследуется религиозная лексика как устойчивая система языковых средств, отражающая мировосприятие автора. Научная новизна заключается в том, что в настоящее время отсутствуют работы, посвященные описанию данного пласта лексики в региональном поэтическом творчестве на основе сопоставления с художественно-исторической прозой. Полученные результаты показали, что религиозная лексика способна реализовать смысловую и выразительный потенциал, при этом используются как универсальные, так и индивидуально-авторские приемы употребления религиозных артефактов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2020/8/25.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 8. С. 126-133. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2020/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

10. **Требования к документам заявки на получение патента** [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fips.ru/documents/pri-rf/prikazy-minekonomrazvitiya-rf/prikaz-ministerstva-ekonomicheskogo-razvitiya-rf-ot-25-maya-2016-g-316.php#II> (дата обращения: 28.06.2020).
11. **Триноженко М. Д., Гончарова Ю. Л.** Специфика перевода патентной литературы [Электронный ресурс] // Молодой исследователь Дона. 2016. Вып. 1 (1). С. 1-6. URL: <http://mid-journal.ru/upload/iblock/63f/63fb0dab8c82800b766fbe77bf47dbd2.pdf> (дата обращения: 26.06.2020).
12. **Троянская Е. С.** Лингвостилистическое исследование немецкой научной литературы. М.: Наука, 1982. 312 с.
13. **Федорова М. А.** Жанровый подход к развитию культуры научной речи // Омский научный вестник. 2014. Вып. 3 (129). С. 101-104.
14. **Федосюк М. Ю.** Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 102-120.
15. **Чарская Т. К.** Теоретические и прикладные аспекты изучения языка патентной документации // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2005. Т. 5. № 1. С. 238-242.
16. **Шершукова Н. В.** Особенности перевода научно-технических текстов (на примере перевода патентов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 3 (69). Ч. 2. С. 182-184.
17. **Шмелёва Т. В.** Модель речевого жанра // Жанры речи. 1997. № 1. С. 88-99.

Model of Patent Discourse Genre

Kurkan Nataliya Vladimirovna

National Research Tomsk Polytechnic University

kurkan@tpu.ru

The paper aims to analyse genre-formative parameters of the patent genre and to develop its genre model. There are a number of studies on institutional discourse genre space, but the problem of the engineering discourse genre structure is still relevant and is considered a promising trend of communicative linguistics taking into account the fact that professional communication and, in particular, the engineering discourse remains insufficiently investigated. Scientific originality of the research involves analysing the patent as a genre of engineering communication. The research findings are as follows: the author identifies the basic genre characteristics of the patent and reveals specificity of their linguistic representation in the engineering discourse.

Key words and phrases: model of patent discourse genre; professional communication; engineering discourse; institutional discourse.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.8.25>

Дата поступления рукописи: 03.06.2020

Цель исследования – определить особенности функционирования религиозной лексики в художественно-историческом и поэтическом дискурсах как элемента смысловой структуры текста. В статье исследуется религиозная лексика как устойчивая система языковых средств, отражающая мировосприятие автора. **Научная новизна** заключается в том, что в настоящее время отсутствуют работы, посвященные описанию данного пласта лексики в региональном поэтическом творчестве на основе сопоставления с художественно-исторической прозой. **Полученные результаты** показали, что религиозная лексика способна реализовать смысловой и выразительный потенциал, при этом используются как универсальные, так и индивидуально-авторские приёмы употребления религиозных артефактов.

Ключевые слова и фразы: религиозная лексика; артефакт; поэтический текст; художественно-исторический текст.

Левина Элла Михайловна, к. филол. н., доц.

Проскурнина Людмила Васильевна, к. филол. н.

Якимова Екатерина Михайловна, к. филол. н.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

elevina@rambler.ru; proskurnina@yandex.ru; chernikova@bsu.edu.ru

Векторы сопряжения в использовании религиозной лексики в историческом и поэтическом дискурсах

Лингвистический поиск нередко направлен на исследование конкретного пласта лексики, который либо в определенный период становится предметом пристального рассмотрения, либо анализируется в течение долгого времени сквозь призму различных концепций. Не является исключением религиозная лексика, изучаемая на материале художественных и публицистических текстов и рассматриваемая как довольно объемный и требующий глубокого анализа пласт лексики [30]. К. А. Тимофеев к религиозной лексике относит слова, «выражающие религиозные понятия», которые находятся в «системных соотношениях друг с другом и вместе взятые образуют то, что можно назвать религиозным мировоззрением» [25, с. 3]. Следовательно, религиозная лексика часто становится важным элементом, отражающим определенную грань авторской

картины мира, которая репрезентируется в текстовом пространстве. Специфика употребления религиозных лексем в тексте зависит от авторского замысла, жанровой специфики и формы произведения.

Актуальность статьи определяется тем, что, во-первых, религиозная лексика неоднократно становилась предметом изучения лингвистов, и каждый новый подход к исследованию в разное время помогает выявить новые особенности, характерные для данного пласта лексики; во-вторых, современное региональное поэтическое творчество может быть исследовано весьма продуктивно на основе сопоставления с художественно-исторической прозой другого временного периода с целью выявления традиционных и авторских приемов использования религиозной лексики.

Теоретическую базу составляют труды ученых-лингвистов, в объективе исследования которых – понятия «церковная лексика» и «религиозная лексика», классификации данного класса лексических единиц. Значительный вклад в изучение и описание религиозной лексики внес К. А. Тимофеев. В своей монографии «Религиозная лексика русского языка как выражение христианского мировоззрения» (2001) [25] автор делит религиозную лексику на три группы: *общерелигиозную; лексику, свойственную всем христианским религиям; и лексику, свойственную отдельным христианским конфессиям*. В работе «Религиозная лексика – церковная лексика – библейская лексика: к вопросу о соотношении понятий» (2013) [30] П. А. Якимовым основное внимание уделено соотношению различных трактовок таких понятий, как «религиозная лексика», «церковная лексика» и «библейская лексика». Помимо этого, автор приводит собственную классификацию, включающую в себя данные подгруппы лексики. Г. Н. Скляревская в «Словаре православной церковной культуры» (2007) [23] предложила описание слов православной церковной культуры. Проблема эволюции семантики и особенностей функционирования «церковной лексики с предметным значением» находит отражение в исследовании М. Е. Петуховой «Функциональные особенности церковной лексики с предметным значением в русском языке» (2003) [22]. Описанию религиозной лексики в региональном поэтическом творчестве посвящен ряд исследований белгородских ученых – В. К. Харченко (2011) [26], И. И. Чумак-Жуль, К. В. Красниковой (2017) [28], Е. А. Шириной (2017) [29], Е. А. Корнейко (2013) [9].

Для определения особенностей функционирования религиозной лексики в художественно-историческом и поэтическом дискурсах решался ряд поставленных *задач*: 1) выявить систему лексических единиц, отражающих религиозное мировоззрение автора художественно-исторического дискурса, и представить тематическую классификацию религиозной лексики, которая также используется в современной белгородской поэзии; 2) описать прагматические основы включения религиозной лексики в художественно-исторический и поэтический тексты и смыслопорождающий потенциал религиозной лексики; 3) сравнить особенности сочетания религиозной лексики с другими пластами лексики в пространстве анализируемых текстов.

Методы исследования обусловлены поставленными задачами. В процессе исследования для выявления совокупности лексем был использован метод сплошной выборки, с целью определения специфики функционирования религиозной лексики, описания её смыслопорождающего потенциала и установления прагматических основ включения в текстовое пространство применялся метод лингвистического описания.

Результаты исследования могут быть использованы при интерпретации текстов, проведении лингвистического анализа поэтического и прозаического произведения, в том числе региональных текстов, что составляет *практическую значимость* статьи.

На основе существующих классификаций религиозной лексики [22, с. 13; 23, с. 8; 25, с. 3] представим совокупность лексем как тематически организованное единство, отражающее религиозное мировоззрение И. И. Лажечникова, автора художественно-исторической прозы:

- 1) наименование места для богослужения (*собор, храм, церковь*);
- 2) наименования других культовых сооружений (*монастырь, колокольня, обитель*);
- 3) наименования церковной утвари и артефактов (*престол, колокол, мантия, лампада, кадило, ладан, икона, иконостас, ризница, хоругви, божница, просфора, риза, купель*);
- 4) наименования духовных лиц – саны, чины, сословия (*инок, монах, иеромонах, протоиерей, иерей, епископ, митрополит*);
- 5) наименования церковных праздников (*Благовещение, Покров, Рождество*);
- 6) обозначения религиозных действий и церковных обрядов (*венчание, панихида, крещение, исповедь, обедня*);
- 7) наименования субъектов религиозных учений (*Бог, ангел, демон, сатана, дьявол, бес*);
- 8) названия потусторонних миров (*ад, рай*);
- 9) наименования священных книг, молитв, песнопений (*Библия, Евангелие, псалом*);
- 10) наименования церковных речевых жанров (*молитва, проповедь, житие, поучение*);
- 11) лексемы, образующие устойчивые церковные выражения (*раб Божий; Господи, спаси и сохрани; спаси и сохрани; крестный ход; Божья воля*).

Представленные лексемы были также зафиксированы и в творчестве белгородских авторов, что свидетельствует о стабильном существовании данного пласта лексики в языке в течение довольно долгого периода. Однако функционирование лексем в разных жанрах художественного творчества, использование в тексте религиозных артефактов в зависимости от авторских интенций позволяют отметить как традиционное употребление в речи, так и индивидуальные приёмы использования лексем для выражения религиозной картины мира автора.

В региональном поэтическом творчестве зафиксированы стихотворения на религиозную тему, что обуславливает продуктивное употребление религиозной лексики. Показательно, что христианская лексика

занимает сильную позицию (название произведения), причем в текстах разных жанров и периодов написания. Одна из глав исторического романа «Басурман» И. И. Лажечникова называется «Тельник» («тельник – устар. нательный крест» [24, с. 349]). Анализ заглавий стихотворений белгородских авторов показывает, что в качестве заглавий активно используются следующие группы религиозных лексем: 1) наименование церковных праздников («Вербное воскресенье» В. Кичигиной; «Благовещенье» Т. Олейниковой; «На святое Крещение», «Страстная Седмица», «Нынче Троица, пол в траве» В. Волобуева; «Крещение» И. А. Чернухина; «Седмица» В. К. Харченко); 2) наименование церковного речевого жанра («Молитва» Т. Олейниковой, И. А. Чернухина, «Апокалипсис», «Мольба грешника», «Акафист» И. А. Чернухина; «Исповедь» В. К. Харченко; «Завет» Ланы Ясновой); 3) устойчивые церковные выражения («Раб Божий», «Господи, спаси и сохрани» Т. Олейниковой); 4) наименование места для богослужений («В храме» Т. Олейниковой; «Холкинский монастырь» И. А. Чернухина); 5) наименования предметов культа, богослужений, религиозных обрядов («Крест материнский», «Крест Карамзиной», «Кануны» И. А. Чернухина; «Студеные купели» В. К. Харченко); 6) наименования субъектов религиозных учений («Чего бы просил я у *Бога*...»); 7) наименования потусторонних миров («Радуйся, душа, земному *раю*...» В. Волобуева).

Употребление религиозной лексики в заглавии обусловлено авторским замыслом, жанром поэтического и прозаического текстов и, соответственно, предполагает включение христианских артефактов, которые постоянно сопровождают автора, выражают «подлинное настроение, то душевное содержание, которое вложено в слова» [7, с. 116]. Библийские реминисценции и цитаты, наименования церковных праздников, устойчивые выражения, названия святых мест, обозначение предметов церковной утвари – все это определяет атмосферу и тональность целого текста.

Сильной позицией в поэтическом тексте также можно считать эпиграф, в котором заключена главная мысль, идея произведения. Эпиграф как «чужое слово» [2], по терминологии М. М. Бахтина, органически включается в текст, способствуя пониманию авторского замысла, то есть декодированию текста: «Сама необязательность присутствия эпиграфа делает его особенно информативным, если он есть» [1, с. 27]. В романах И. И. Лажечникова часть эпиграфов содержит религиозную лексику. Так, прологу романа «Басурман» предпослан отрывок из речи Московского митрополита по случаю венчания на княжество Дмитрия Иоанновича, внука Иоанна III: «*Божью милостию, радуйся и здравствуй, господин и сын наш, князь великой, Дмитрий Иванович, всяя Руси... на многая лета!*» [11, с. 295]. Эпиграф предваряет историю жизни Антона Эренштейна, лекаря, прибывшего в Московию эпохи Иоанна III, а также испытания, которые предстоит пройти главному герою. Эпиграф формирует читательскую пресуппозицию относительно эпохи и основных героев будущего повествования, помогает понять авторский замысел и декодировать текст.

В основе повествования стихотворения Ланы Ясновой «Рулетка» – игра как метафорическое изображение судьбы. *Откровение пророка Исайи* (Ветхий Завет), отражающее мысль об ожидании пришествия Христа, использовано в качестве эпиграфа к поэтическим строкам Ланы Ясновой: «*Кричат мне с Сеура: / – Сторож! / сколько ночи? / Сторож! Сколько ночи? / Сторож отвечает: / – Приближается утро, / но еще ночь*» [31, с. 76]. Роль эпиграфа как интертекстуального элемента текста оказывается весьма значимой: строки из Ветхого Завета раскрывают основную мысль, готовят читателя к более точному пониманию смысла стихотворения, создают общий эмоциональный фон поэтического пространства: надежда как одна из добродетелей, благодаря которой человек имеет твердое убеждение в получении спасения; с наступлением утра обязательно придет спасение.

Большинство *христианских артефактов* в художественно-исторических произведениях используется в прямых значениях, однако в сочетании с общим контекстом религиозные лексемы создают символические образы и реализуют новые смысловые приращения – *церковь, монастырь, приход, игумен, звонница, храм, обитель, лампада, кресты, колокол вечерний, белый крестик, трапеза* и т.п. Так, в романе И. И. Лажечникова «Басурман» читаем: «...*Антон услышал имя Анастасии в устах нечистого магометанина – имя, которое он произносил с благоговейною любовью в храме души своей...*» [11, с. 506]. В данном контексте обыгрывается мысль из Послания апостола Павла о том, что в каждом человеке есть Дух Божий: «*Царствие Божие внутри вас есть*». Одной из составляющих земной жизни человека является создание Храма Божьего внутри себя, в душе. Подобную трансформацию прямого значения, реализацию новых смысловых приращений лексемы *храм* наблюдаем и в поэтическом творчестве: *Вьется среди цветов тропинка узкая, // нас она до храма доведет* [6]. Лексема *храм* и в художественно-историческом, и в поэтическом дискурсе становится символом веры в Бога, её обретения.

В художественно-историческом тексте символическое значение также приобретает лексема *лампада*: «*Я ли не ходил на богомолье по святым местам; я ли не ставил местных свеч, не теплил лампады неугасимой! <...> Слыхал ты Божье слово: вера без дела мертва*» [11, с. 584]. В речи героя *неугасимая лампада* репрезентирует постоянство веры боярина Образца в Бога. Аналогичное значение присуще лексеме *лампада* в современной поэзии, например в стихотворении Т. Олейниковой: «*Только б лампадка горела нетленно, Только б огонь не потух!*...» [15]. Религиозные артефакты употребляются с лексемами *неугасимый, гореть нетленно*, которые имеют общую сему «излучать свет, светиться» и в контексте символизируют непрерывность, постоянство веры в Бога. Таким образом, христианские артефакты *храм, лампада*, обозначающие конкретные предметы, в текстовом пространстве играют значимую смыслообразующую роль и становятся символами обретения и сохранения веры.

Значимым христианским артефактом является *колокольный звон*, который в художественно-историческом тексте дополняет описание церковного праздника (собственно описательная функция): «*Пришел день благовещения. По городу разостлался звон колоколов*» [11, с. 432]. Благовещение в сознании православного человека связано с радостью, поскольку в этот день архангел Гавриил принес Деве Марии благую весть – скорое рождение Иисуса Христа. Включение артефакта в текстовое пространство нередко определяется авторскими интенциями. Особое контекстуальное употребление лексемы может репрезентировать оценку конкретного события: «*Печально звучали колокола: они почти каждый дом извещали о разлуке с одним из дорогих жильцов его*» [Там же, с. 497]; выражать авторское восприятие: «*...звон колоколов, показавшийся мне торжественным, духовным пеньем целого народа*» [10, с. 440]. Последний микроконтекст является свидетельством того, что колокольный звон символизирует единение народа. Употребление артефакта, например, в основе контекстуальной антитезы *звон колокола – людское молчание* позволяет представить образное описание исторического события (бироновщины): «*Только что умолкли языки в колоколах, возвестившие конец обедни, все богомольцы, поодиночке, много по двое, идут домой, молча, поникнув головою. Разговаривать на улицах не смеют*» [11, с. 7]. Таким образом, автор художественно-исторического романа включает христианские артефакты не только для достоверности и подробного описания религиозных праздников, но и для разного представления исторических событий, выражения собственной оценки и позиции.

Колокольный звон является частью мировоззрения русского православного человека и национального самосознания в целом. Основные вехи человеческой жизни сопровождаются колокольным звоном – крещение, венчание и отпевание, то есть и в радости, и в горе. Сам колокол является важной составляющей церковных богослужений. Помимо этого, колокольный звон организует и упорядочивает и обыденную жизнь человека, что отражено в русской пословице: «Первый звон – пропади мой сон, второй звон – земной поклон, третий звон – из дому вон».

Многие события, упоминаемые в поэтическом творчестве, сопровождаются колокольным звоном. Колокол используется в богослужении и символизирует «голос Божий»: «*Посредине города // золоченый крест // Звон над Белогорием // Благовест*» [27, с. 299]. В связи с тем, что в поэзии в большей степени проявляется личность поэта, такой артефакт, как *колокольный звон*, включается белгородскими авторами для выражения эмоционального состояния лирического героя: «*Тихой радостью доволен, // Сладкой негой утолен, // Возрождённых колоколен // Слышу вещей перезвон*» [3]. В стихотворениях *колокольный звон* часто представлен как вестник радостных событий, источник вдохновения и удовлетворения. При помощи колокольного звона региональные белгородские поэты раскрывают многогранный и противоречивый внутренний мир лирических героев.

В художественно-исторической прозе наименования культовых религиозных сооружений (храмов, церквей, монастырей и т.д.) репрезентируют пространственный континуум, названия церковных праздников способствуют созданию временного континуума: «*В село на самое рождество Христово нахлынули сборщицы*» [11, с. 228]; «*В день Покрова Богородицы, сквозь решетку его клетки, из перехода тюремного, сухощавая рука женщины бросила ему калач*» [Там же, с. 623]. Отметим, что подобное употребление христианских артефактов не только выполняет собственно описательную функцию, но и способствует расширению культурологического пространства. Частое употребление в художественно-исторических и лирических текстах наименований православных праздников свидетельствует о том, что времяисчисление жизни православной семьи идет в соответствии с циклом религиозных праздников.

В поэзии христианские артефакты (например, наименования церковных праздников и мест богослужения) могут быть представлены в одном контексте и репрезентировать как временной, так и пространственный континуум: «*Мы все живём на этом белом свете. // На жизнь и смерть у нас одни права. // Но как нам выжить в этой круговерти // От Троицных дней до Покрова?*» [16]; «*Я уходила в Киевскую Русь, // Как в подростковую большую грусть, – // По косогору, к храму у моста, // До пустоты Великого поста...*» [8]; «*Она жива, жива Россия – / Снега. Крещение. Купола. / Стою один в просторном храме. Небесный хор сошел с высот*» [27, с. 51]. Точкой отсчета пространственных и временных характеристик для белгородских авторов являются общерелигиозные торжества в православной церкви. В поэтических фрагментах авторы обозначают и время, и пространство, то есть стремятся к многомерности описания, стараются включить многообразие религиозных артефактов, которые позволяют максимально полно репрезентировать авторскую религиозную картину мира.

Для поэтического пространства характерно упоминание Бога в описательных контекстах, чаще всего в стихотворениях философской и религиозной тематики: «*Друзья? Их мало. С каждым годом меньше. // ...Но Бог опору мне ещё даёт*» [16]. В исторических текстах И. И. Лажечникова лексема *Бог* также встречается в философских размышлениях автора.

В поэзии обращение к Богу немеждоментного характера иллюстрирует использование разных вариантов: *отче, батюшка, Господи, Господь, Всеблагий Отец, Боже* и т.д. При этом анализ более широкого контекста позволяет выявить разнообразие авторских речевых интенций, которые определяют жанровые особенности поэтических форм – молитвы, исповеди, а также свидетельствуют о наличии элементов данных жанров в прозаическом тексте.

Сравнение словоупотреблений в художественно-историческом жанре и поэзии позволяет увидеть особенности функционирования религиозных лексем в разных жанрах. В прозаических произведениях отмечаем более каноническое, стандартное, нередко цитатное употребление контекстов с лексемой *Бог*, характерное для христианской молитвы в целом, в поэтическом творчестве контексты иллюстрируют личный характер

обращения к *Богу* с просьбой. Ср.: «*Господи Иисусе Христе, сыне божий, помилуй нас! Господи! спаси нас от нечистых сил*» [10, с. 155] и *Господи, спаси и сохрани! // Огради мой дом от разоренья* [12]. В представленных контекстах отражается суть истинной веры православного человека – почитание Бога, обращение с просьбой в наиболее трудные моменты жизни, упование на него. В художественно-историческом тексте автор стремится к достоверности описания, использует тексты молитвы, характерные для определенного временного периода, тогда как поэтический текст даёт автору возможность выразить собственные чаяния в жанре молитвы, вложив в неё современное содержание, соответствующее времени и авторскому мировоззрению.

В анализируемых текстах религиозная лексика сочетается с другими тематическими группами, например с лексемами военной, гражданской, любовной и пейзажной тематики. Так, в романе И. И. Лажечникова «Последний Новик», одна из сюжетных линий которого связана с Северной войной, репрезентируется ключевой концепт русского коммуникативного сознания – ВОЙНА. При выражении данного концепта автор зачастую прибегает к религиозной лексике: «*Иссуши, мать божия, руку того, кто поднимет ее на помощь врагам отечества! И ты, если истинный христианин, если любишь святую Русь, должен не губить меня, а помогать мне*» [10, с. 329]; «*...и вместе с ним падает на землю, произнося имя друга, Новика и бога*» [Там же, с. 290]; «*...послышались раздирающие душу стоны раненых и утопавших, моливших о спасении или смерти*» [Там же, с. 399]. В последнем контексте возникает бинарная оппозиция *спасение – смерть*. Следует отметить, что в романе И. И. Лажечникова концепт ВОЙНА пересекается с концептом РЕЛИГИЯ. Для экспликации лингвокультурного концепта ВОЙНА автор прибегает к религиозной лексике, показывая тем самым значимость для русского человека религии, веры в Бога. У писателя религия, вера, как нечто высокое, сакральное, сопрягается с войной, силой пугающей, губительной, несущей смерть.

В одном контексте белгородские авторы соединяют религиозную и военную лексику. С одной стороны, «высокое, высокогуманное, жизнеутверждающее», с другой – «убийственное, пугающее», «негуманное», что усиливается использованием антитезы (*мировом – моровом; монастырь – поле боя; игумен смиренный – воевода бесстрашный*). Религиозные и военные лексемы в художественном пространстве, как правило, вступают в антонимические отношения. Отметим также, что в названных тематических группах лексем можно выделить общие семантические компоненты, такие как «защита», «незримость», «вера», «фанатизм», «иерархичность», на основании которых подобные соположения становятся возможными: «*О Россия, моя колея неизбежная // на сквозном большаке мировом – моровом, // что ты есть – // монастырь // или поле битвы, // на привале в лесу опьяняющий сон?*» [6]. В стихотворении религиозной тематики «Страстная седмица» словосочетание *мучительная битва* обогащает контекст, обеспечивает приращение смысла и выражает трудный путь к Богу, к истинной вере: «*Всю неделю в посте и молитве // Очищаться, внимая страстям, // В ежедневной мучительной битве // Отбиваясь от мелочных драм*» [5]. Своеобразное сочетание полярной лексики, отмеченное у белгородских авторов, свидетельствует о многомерности религиозной картины мира, которая репрезентируется религиозными артефактами и другими лексемами, в совокупности выражающими новые смыслы.

Отметим также употребление религиозной и гражданской лексики в исторических романах, например в воспоминаниях главного героя романа «Последний Новик». Родина для Владимира, как истинно верующего, православного человека, связана, прежде всего, с Богом: «*Я здесь на родине: во всякие часы дня могу смотреть на места, где провел свое детство; там я родился... а здесь золотоголовая Москва с ее храмами и белокаменными палатами, с ее святынею и благолепием*» [10, с. 508]. В художественно-историческом тексте И. И. Лажечникова религиозная лексика участвует в формировании лексико-семантического поля, вербализующего концепт РОДИНА. Как одно из важных ценностных ментальных образований, концепт РОДИНА выражает у писателя глубокую привязанность героев к родной земле. У Владимира родина ассоциируется не только с местом, где он родился, с детством, но и с храмами и церквями – «*золотоголовая Москва с ее храмами... с ее святынею и благолепием*». Таким образом, мы снова наблюдаем взаимодействие концептов – в данном контексте РОДИНА и РЕЛИГИЯ. Своеобразное умиротворенное, спокойное состояние родины И. И. Лажечников показывает с помощью религиозной лексики – *святыня, благолепие*.

Христианские артефакты, упоминаемые белгородскими авторами, ассоциируются с родиной, определяя сочетание в контекстах религиозной и гражданской лексики, например в стихотворении Т. Олейниковой «Флаг России»: «*Белым цветом, светом Божиим // Будем ли озарены? <...> ... Чьей такой крещён отметиной // Этот русский триколор?*» [20]. Для многих художников слова Россия православная, храмовая, святая. Лирический герой дорожит православной Россией, его жизнь связана с ее церквями и храмами, являющимися символом и оплотом веры. В стихотворении И. А. Чернухина значимым оказывается вероисповедание народа: «*– Кто вы, чьи вы? // – мужик, хорохорясь, орет. // Отвечает старшой: // – Православный народ*» [27, с. 292]; в стихотворении Т. Олейниковой родина ассоциируется с христианским образом: «*Родина милая, // Мать-мироносица, // Ты прогони их взапой*» [19]; в стихотворениях А. Осыкова и И. Чернухина внимание акцентировано на исторически сложившихся духовных установках русского народа: «*И свято чтит уклад исконный, // Молитвы неустанный труд... // Превыше власти и закона // Был Божий страх и Божий суд*» [21]; «*Креститесь, русичи! / Крестите / Детей для жизни и любви*» [26, с. 51]. В поэзии отражается характерная особенность религиозной картины мира авторов – взаимосвязь родины и православной веры. В текстовом пространстве посредством религиозных артефактов выражается любовь к родине, православная вера представлена как непреложная ценность русского народа.

В историческом романе любовь репрезентируется религиозными лексемами, которые отсылают читателя к библейскому источнику: «*Волынской сведен в ее душу самим провидением... которого должна любить всеми помышлениями, всею душою своей*» [11, с. 137]. Цитата «любить всеми помышлениями, всею душою своей» является трансформацией одной из заповедей Иисуса Христа: «*Иисус сказал ему: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею*» (Евангелие от Матфея). Можно предположить, что И. И. Лажечников оправдывает греховность любви Волынского и Мариорицы, поскольку в его интерпретации их чувство послано свыше – «самим провидением».

В любовной лирике также прослеживается обращение поэтов к религиозной лексике, что обусловлено сопоставлением земного и божественного, сравнением любимого человека с Богом, силы человеческого чувства и любви к Богу: «*Где ты, любовь, что стеною была, // Паухой Божьей?.. // Золото было. Осталась зола // С болью и ложью*» [13]. В описании человеческого чувства можно отметить смысловое обогащение, так как репрезентация осуществляется посредством религиозной лексики, сопоставлением земных реалий и религиозных действий: «*Ну вот и всё. Спокойная отныне, // Отпела по тебе моя душа // Молитвы все на свете отходные, // Мне не легко, но говорю: – Прощай!..*» [18]; «*Чтоб видел Бог: на свете есть любовь, Одна любовь! Все остальное – спорно*» [31, с. 30]. Включение религиозной лексики в любовную лирику отсылает читателя к мысли о святости чувства, показывает авторское мировоззрение, отражает взаимосвязь земного и божественного в авторской картине мира. Кроме того, текстовое пространство дополняется ассоциациями, расширяется в смысловом отношении и становится более выразительным.

В романах И. И. Лажечникова пейзажные зарисовки насыщены религиозной лексикой – наименованиями христианских артефактов: «*Он нередко останавливался на пути своем... как бы мыслил о святине, осматривался кругом; казалось, то любовался зрелищем Москвы, возносившей золотые главы своих церквей из бесконечного табора домов, то восторженным взором преследовал блестящие излучины Москвы-реки и красивые берега ее, то прислушивался к звону колоколов*» [10, с. 462]. Это связано с тем, что в своих текстах писатель воссоздает образ именно православной России, ее пейзажи немыслимы без храмов, церквей, монастырей, куполов и т.п.

В стихотворения о природе белгородские поэты включают не только описание сельских пейзажей, но и городских. Ряд авторов (В. Кичигина, Т. Олейникова, В. Харченко, И. Чернухин) представляют город как средоточие веры, православное место, что обуславливает наполнение поэтического текста христианской лексикой. Ср.: «*Бросая ветер головой в подол, // Брёл инок из Печеры на Подол, // И больше никого пять верст окрест. // Ещё не поднимал Владимир крест*» [8]; «*Провинциальный город, мир с тобой // И Бог с тобой, и тишина с тобою... // Здесь белый купол церкви голубой // Следит, следит за каждою судьбою*» [17]. Продуктивное включение христианских артефактов (крест, купол и т.д.) в стихотворения свидетельствует о том, что в картине мира современных белгородских авторов значимым элементом оказывается православная вера.

Сочетание наименований религиозных артефактов и бытовых реалий в текстах И. И. Лажечникова является показателем того, что обыденная, повседневная, жизнь православного человека неразрывно связана с религией, с верой в Бога: «*У искося, убранного иссохшими цветами и вербою, прилеплены были три горящие восковые свечки и ярко озаряли икону с посеребренным венчиком, увешанным разноцветными лентами, кольцами и крестиками, усердными приношениями болящих. На ней время и копоть дыма изгладили и потемнили изображение матери божией; но вера живописала чудными красками целый мир благодати*» [11, с. 94]. В художественно-исторических текстах И. И. Лажечникова характерно употребление религиозной лексики в бытовом контексте, то есть соположение религиозной лексики с лексемами вещного мира.

В региональных поэтических текстах можно отметить сочетание разговорной и религиозной лексики, проявление так называемой бытовой религиозности, которая отражает значимость христианских артефактов в бытовом сознании автора: «*Мой деревенский тихий уголок // Лишь для ночлега, хлебушка да соли, // А новый день встречаю меж дорог, // Один, как Бог, на середине поля*» [4, с. 3]. Своеобразное противопоставление бытовых реалий и религиозных артефактов способствует передаче эмоционально-экспрессивной оценки изображаемого, авторского отношения к социальным реалиям и событиям: «*Мы у корзины стоим продовольственной. // Даже – и в праздники – пост... // Вот и идём со своим мы довольствием // Верной тропой на погост*» [14]. Сочетание и противопоставление бытовой и религиозной лексики обнаруживает многообразие авторских интенций и позволяет автору дополнить текст новыми эмоциональными смыслами.

Таким образом, сравнительный анализ функционирования религиозной лексики в художественно-историческом дискурсе и современной белгородской поэзии позволяет сделать следующие **выводы**.

1. Лексические единицы, относящиеся к религиозной сфере, представлены как многогранное, тематически организованное единство, отражающее авторское мировоззрение. В художественно-историческом и современном региональном поэтическом дискурсах религиозная лексика является достаточно устойчивой и продуктивно используемой современными авторами; совокупность лексем репрезентирует фрагмент религиозной картины мира и занимает определенное место в лексической системе языка.

2. Исследование религиозной лексики в региональном поэтическом дискурсе на основе сопоставления с художественно-исторической прозой другого временного периода позволило определить векторы сопряжения данного пласта лексики в рассматриваемых дискурсах.

Универсальными приемами использования религиозных артефактов в текстах различных жанров можно считать включение их в значимые структурные элементы (заглавие, эпиграф), которые выполняют

сходные функции – способствовать пониманию авторского замысла и декодированию текста. О некоторых точках сопряжения свидетельствует функционирование в прозе и поэзии таких религиозных артефактов, как *лампада* и *храм*, которые выполняют важную смыслообразующую роль, становятся символами обретения и сохранения веры.

В анализируемых текстах значимым артефактом является *колокольный звон*. В художественно-исторической прозе его употребление обусловлено необходимостью подробного описания религиозных праздников, образного представления исторических событий и выражения авторской позиции. В поэтическом тексте *колокольный звон* выражает радостное эмоциональное состояние лирического героя, что обусловлено личным положительным отношением автора к религиозным таинствам и действиям. Лексема *Бог* используется как необходимый элемент в жанре молитвы, которая включается авторами в тексты. Однако в прозе фиксируем каноническое, цитатное употребление, а в поэзии – индивидуальное обращение к *Богу*, соответствующее мировоззрению конкретного автора.

3. Употребление религиозных артефактов с другими пластами лексики в текстах в целом отражает авторскую религиозную картину мира. В художественно-исторической прозе такое сочетание обусловлено авторским замыслом, сюжетными линиями произведения, необходимостью достоверного описания. В поэтическом творчестве соположение религиозной лексики с другими лексемами (особенно на основе противопоставления), во-первых, обогащает текст новыми смыслами; во-вторых, способствует выразительности текста.

Исследование намечает некоторые *перспективы дальнейшего изучения* религиозной лексики, например, интересными представляются: 1) более детальная разработка универсальной классификации религиозной лексики; 2) рассмотрение концептосферы лирики поэтов Белгородчины как системы религиозных художественных концептов; основное внимание предполагается сосредоточить на лексике, связанной с концептуализацией понятий религиозного содержания; 3) описание мифологических и религиозных имен в региональном поэтическом творчестве на основе сопоставления с исторической прозой другого временного периода; 4) лексикографическая систематизация религиозной лексики.

Список источников

1. Арнольд И. В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // Иностранный язык в школе. 1978. № 4. С. 23-31.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
3. Волобуев В. Вечерний перезвон [Электронный ресурс]. URL: <https://stihi.ru/2015/07/06/6604> (дата обращения: 30.05.2020).
4. Волобуев В. Песня жаворонка. Стихи. Воронеж: Центрально-Чернозёмное книжное издательство, 1983. 63 с.
5. Волобуев В. Страстная седмица [Электронный ресурс]. URL: <https://stihi.ru/2015/04/07/6370> (дата обращения: 30.05.2020).
6. Дроздова Н. Поэма об отце [Электронный ресурс]. URL: <https://stihi.ru/2008/11/21/2081> (дата обращения: 06.05.2020).
7. Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л.: Наука, 1977. 408 с.
8. Кичигина В. Старый Киев [Электронный ресурс]. URL: <https://stihi.ru/2017/01/19/11427> (дата обращения: 30.05.2020).
9. Корнейко Е. А. Стихотворение Т. И. Олейниковой «Молитва» как пример венка сонетов в белгородской поэзии // Русская филология. 2013. № 1-2. С. 154-156.
10. Лажечников И. И. Сочинения: в 2-х т. М.: Худ. лит., 1987. Т. 1. 542 с.
11. Лажечников И. И. Сочинения: в 2-х т. М.: Худ. лит., 1987. Т. 2. 687 с.
12. Олейникова Т. И. Господи, спаси и сохрани [Электронный ресурс]. URL: <https://stihi.ru/2010/05/31/6317> (дата обращения: 30.05.2020).
13. Олейникова Т. И. Долгая песня [Электронный ресурс]. URL: <https://stihi.ru/2010/04/28/122> (дата обращения: 30.05.2020).
14. Олейникова Т. И. Малоимущие [Электронный ресурс]. URL: <https://stihi.ru/2014/12/23/3622> (дата обращения: 30.05.2020).
15. Олейникова Т. И. Мольба [Электронный ресурс]. URL: <https://stihi.ru/2011/01/12/2546> (дата обращения: 30.05.2020).
16. Олейникова Т. И. Мы (ещё не оконченная поэма) [Электронный ресурс]. URL: <https://stihi.ru/2010/05/17/3956> (дата обращения: 30.05.2020).
17. Олейникова Т. И. Провинциальный город [Электронный ресурс]. URL: <https://stihi.ru/2010/07/07/7996> (дата обращения: 30.05.2020).
18. Олейникова Т. И. Прощай [Электронный ресурс]. URL: <https://stihi.ru/2014/04/11/2098> (дата обращения: 30.05.2020).
19. Олейникова Т. И. Родина [Электронный ресурс]. URL: <https://stihi.ru/2018/09/01/4495> (дата обращения: 30.05.2020).
20. Олейникова Т. И. Флаг России [Электронный ресурс]. URL: <https://stihi.ru/2010/06/29/7307> (дата обращения: 30.05.2020).
21. Осыков А. Русь начинается с деревни... [Электронный ресурс]. URL: <http://www.literabel.ru/books/aleksandr-osykov/2045-iz-sbornika-lpisateli-belogryar-2014.html> (дата обращения: 30.05.2020).
22. Петухова М. Е. Функциональные особенности церковной лексики с предметным значением в русском языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. Казань, 2003. 24 с.
23. Складневская Г. Н. Словарь православной церковной культуры. СПб.: Наука, 2007. 278 с.
24. Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. Изд-е 3-е, стер. М.: Рус. яз., 1985. Т. IV. С – Я. 800 с.
25. Тимофеев К. А. Религиозная лексика русского языка как выражение христианского мировоззрения: монография. Новосибирск: НГУ, 2001. 88 с.

26. Харченко В. К. Знаковое стихотворение Татьяны Олейниковой // Областные краеведческие чтения: сб. материалов / Упр. культуры Белгор. обл., Белгор. гос. ист.-краевед. музей. Белгород: Везелица, 2011. С. 49-56.
27. Чернухин И. А. Город надежды: книга стихов. Белгород: Белгородская областная типография, 2006. 320 с.
28. Чумак-Жуль И. И., Красникова К. В. Специфика репрезентации концепта «Осень» в поэтическом дискурсе Ланы Ясновой // Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства: сборник материалов II Международной научно-практической конференции (г. Белгород, 18-20 мая 2017 г.) / отв. ред. Т. Ф. Новикова. Белгород: Эпицентр, 2017. С. 209-213.
29. Ширина Е. А. Мотивы воли и неволи в поэтическом сборнике Игоря Чернухина «Запах огня» // Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства: сборник материалов II Международной научно-практической конференции (г. Белгород, 18-20 мая 2017 г.) / отв. ред. Т. Ф. Новикова. Белгород: Эпицентр, 2017. С. 216-219.
30. Якимов П. А. Религиозная лексика – церковная лексика – библейская лексика: к вопросу о соотношении понятий // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013. № 9 (158). С. 66-68.
31. Яснова Л. Зеркала. Новокузнецк: Союз писателей, 2015. 96 с.

Common Features of Religious Vocabulary Functioning in Historical and Poetical Discourses

Levina Ella Mikhailovna, PhD
 Proskurnina Lyudmila Vasil'evna, PhD
 Yakimova Ekaterina Mikhailovna, PhD
 Belgorod State National Research University
 elevina@rambler.ru; proskurnina@yandex.ru; chernikova@bsu.edu.ru

The paper aims to identify specificity of religious vocabulary functioning in historical fiction and poetical discourse. Religious vocabulary is considered as an element of text meaningful structure and as a stable system of the linguistic means representing the author's world perception. Scientific originality of the study lies in the fact that the researchers for the first time describe functioning of this vocabulary stratum in regional poetry in comparison with historical fiction. The findings indicate that religious vocabulary possesses a meaningful and expressive potential, religious conceptions acquire universal or author's original interpretation in literary text.

Key words and phrases: religious vocabulary; artifact; poetical text; historical fiction text.

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2020.8.26>

Дата поступления рукописи: 16.06.2020

В статье рассматривается негативно-приставочная лексика природы в аспекте проявления диалектной языковой картины мира. Цель исследования – актуализация концептов НЕОСВОЕННОЙ И ОСВОЕННОЙ ПРИРОДЫ, маркированных негативно-приставочной лексикой говор. Научная новизна заключается в системном изучении особенностей репрезентации концепта ПРИРОДА лексикой с отрицательными приставками. В результате проведенного исследования в семантической структуре негативно-приставочных лексем выявлены признаки, формирующие концепты НЕОСВОЕННОЙ И ОСВОЕННОЙ ПРИРОДЫ. Показана смысловая значимость негативно-приставочной лексики в языковой репрезентации концепта ПРИРОДА, реализации пространственной оппозиции «дальний – ближний».

Ключевые слова и фразы: диалектный дискурс; лексика природы; негативно-приставочная лексика; диалектная языковая картина мира.

Лысенкова Татьяна Владимировна, к. филол. н.
 Псковский государственный университет
 lysenkova.2016@yandex.ru

Природный мир в русском диалектном дискурсе (на материале негативно-приставочной лексики)

Специфика территориальных диалектов – разновидностей общенационального языка – проявляется в функционировании единиц всех языковых уровней, что позволяет говорить об особой, характерной для диалектоносителя, языковой картине мира. В связи с понятием «языковая картина мира» исследователями используется понятие «диалектный дискурс», которому в лингвистических работах отводится все больший вес при выявлении специфики диалектной системы. Так, диалектный дискурс рассматривается как «сфера обыденного смыслополагания, неотделимого от эмоций и оценок, а диалект – как инструмент повседневных интерпретаций» [8, с. 7]; как «одна из сфер реализации национальной культуры» [6, с. 48]; подчеркивается особая роль диалектных текстов, которые, «составляя корпус диалектного дискурса, репрезентируют реальность, позволяя реконструировать значимые для носителей диалекта фрагменты языковой действительности» [5, с. 99]. Важным для нас является утверждение Ю. Н. Грицкевич о том, что «даже небольшие контексты, приводимые в словарной статье для определения дефиниции слова в диалектных словарях, с учетом